

Filevsky Vysheslav

---

*Строки
из потустороннего мира*

Filevsky Vysheslav

Строки из потустороннего мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619924

ISBN 9785005025982

Аннотация

Автор бытийствует в своём духовном измерении, видит мир иначе, имеет мировоззрение, отличающееся от привычного, и собственное исповедание. Оно состоит в любви к Творцу, не имеющему имени и образа, и к творению. В первой части книги действуют преимущественно насекомые и птицы. А во второй – писатель рассказывает о своём видении потустороннего мира, о пограничных состояниях между жизнью и смертью.

Содержание

Vysheslav Filevsky	5
Предисловие: параллельные миры	6
Предначинательная притча	10
Русский газон	12
Часть Первая	16
Любовь к жизни	16
Тиликва	16
Мать комариная	40
От мрака к свету	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Строки из потустороннего мира

Filevsky Vysheslav

© Filevsky Vysheslav, 2019

ISBN 978-5-0050-2598-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Vysheslav Filevsky
Строки
из параллельного мира

Рассказы, сказки, притчи
Белу-Оризонти 2019

Предисловие: параллельные миры

Люди *предполагают*, что миров рядом с ними множество. Но представляют их внешне отличающимися от того, что видят вокруг... Всё может быть... Но мой разговор о внутренних, духовных параллельных мирах...

Говорят, например, о расколе общества. Читаю, что пишут люди в Интернете. Они описывают различные, а то и противоположные восприятия одного и того же. – Это параллельные миры. Их плоскости не пересекаются. Поэтому убедить кого-то воспринимать иначе окружающее или прошедшее – невозможно. Но это почему-то никому не понятно. И люди бессмысленно ругаются, оскорбляют, ненавидят... Я долго думал, зачем... Все так глупы? – Едва ли. Скорее всего ругаться, оскорблять, ненавидеть, полагать, что все прочие дураки, приятно, не так ли?.. Прошу прощения за правду...

Приходят идеи и дробят человечество, увеличивая число параллельных миров. Человек, принесший зловредную идею, раскалывающую мир, считается великим, чуть ли не богом. Затем его идею вытесняет другая. И вот уж он преступник. И народы получают удовольствие, хуля его...

Наконец, и среди обычных людей выделяются особи с некоей своей из ряда вон выходящей правдой, то есть с личным параллельным миром, который всемирно зловредной идеей не становится. Кого-то из таких людей признают ге-

нием, кого-то – умалишённым. Кому как повезёт...

Да, некоторые из идееносцев и в самом деле психически усечены. Но и они, и так называемые здоровые бытийствуют в своих параллельных мирах, где многое, а то и совершенно всё видится иначе...

Важно количество людей, живущих в схожих параллельных мирах. Побеждает правда того параллельного мира, в котором больше насельников. Они оказываются временно якобы правыми и навязывают своё видение мира всем прочим. Но на самом деле ошибаются все, и в то же время все правы...

Книга, что перед вами, написана жильцом как раз одного из параллельных миров. Он живёт в нём как будто один видит всё решительно не так, как принято и у большинства, и у представителей других параллельных миров. Развитие цивилизации представляется ему безумным следованием к разложению и самоуничтожению, правители видятся дворовыми хулиганами, а то и бандитами, научная деятельность – преступлением, имеющим целью обман природы (или Всевышнего), культура – факелом, разжигающим страсти, религии – частными духовными правдами, и так далее.

А можно ли добиться существования человечества в едином мире и тем уничтожить параллельные?.. – Автор считает, что да, такое может случиться прежде всего по воле Творящего сущее. Например. Деньги по сути Бог истинный для всех землян. Остальные боги лишь figovыe листки на чрес-

лах Денег. Если люди отбросят лицемерие и честно признают это – будет счастливое единение...

Также духовному объединению способствуют телевидение и Интернет. Если всё человечество станет смотреть одну программу, его настроят на жизнь в одном духовном пространстве. И тоже все обретут счастье.

И наконец – искусственный разум... В этом смысле подлинное и совершенное счастье человечества, как представляется автору, наступит тогда, когда у всех «людей» уже не будет естественного мозга, а искусственные мозги одинаково выверят.

Сейчас же учёные разных стран соревнуются в создании устройств и технологий по управлению естественными мозгами, то есть работают над счастьем. И народы совершают странные поступки, не имеющие логического объяснения: выбирают своих врагов в руководители, почему-то ненавидят другие народы, и тому подобное...

Жилец параллельного мира Вышеслав Филевский предлагает из-за своего «зазеркалья» собственный путь к объединению человечества. В основе пути созданное Филевским исповедание выпестывания любви к Высшему и существу в сердце души и благоговение пед ними. Исповедание (или религия, по-вашему) называется вышеславие. О нём можно прочесть в Интернете. Вышеславие ничему не противоречит, и могло бы объединить человечество куда совершеннее, чем избавление от души и внедрение искусствен-

ного разума у всех народов планеты. Однако, как видится, благословения великого Непостижимого на это нет. Пока, во всяком случае. Поэтому, судя по всему, вышеславие останется новой Утопией, прекрасной мечтой. Вот как она выглядит в виде рассказов, сказок и притч. Читайте.

Предначинательная притча

Мудрец всю жизнь копил знания и совершенствовался в умениях. Однако пришёл день, в который он понял суть приобретённого. Это случилось тогда, когда в сердце души его разгорелось пламя любви к Высшему и существу. Мудрец понял огонь сей как Истину, поблагодарил Предвечное за приобретённые знания, опыт и, улыбаясь, расстался со знаниями и опытом. Примерно, как в школе: окончились уроки и кто-то очищает влажной тряпкой доски во всех классах. Мудрец так поступил, потому что сердечное пламя любви, а вовсе не знания, оказалось итогом жизни: смыслом его прихода на Землю. Мудрец попытался описать свой огонь, эту Истину, познанную им. Но оказалось, что слова человеческих языков не приспособлены для раскрытия небесной Правды. А обитатели бестелесных пространств общаются в духе... Так мудрец и горел одиноко сердцем души своей, пока Предвечное не понудило дух его расстаться с телом.

Русский газон

(История одной жизни)

Неподалёку от гостиницы жил-был газон. Его никто не *садил* – он сам вырос. В средней полосе везде ведь трава растёт... Вот и он...

Газон не был городским хлыщом. Он существовал естественно. В нём были и подорожники, и одуванчики, и даже несколько крапивинок... Но это не мешало ему наливать жизнь и радоваться... Да, люди бросали в него пивные бутылки, обёртки и окурки. Однако, пусть и нечасто, но приходили рабочие, которые скашивали траву и забирали мусор в мешки...

Однажды ночью на газон заехал и встал приبلудный грузовик. Под утро прошёл сильный дождь. И когда грузовик, желая продолжить путь, взрычал, то сразу выехать не смог. Потому что земля под газоном размякла, и грузовик забуксовал. Водитель, выматерив газон, поддал газу и выбрался... Обезображенный газон плакал. На его теле зияли колеи, в которых не было ни травинки...

Прошло дней десять. Рубцы, конечно, никуда не делись, но заросли молодой травой. Газон восстанавливался и привыкал к своему новому, уже не такому прекрасному облику. «Ну что же, – думал он, – на свете всякие газоны бывают. Главное – зеленеть и радоваться жизни». Заезжали на газон

и другие машины, по счастью легковые. И он терпеливо сносил это. Тем более, что погоды стояли сухие.

А под конец лета пошли дожди... Однажды ещё издали газон заметил приبلудный грузовик. И сердце его сжалось от страха... Да, он не ошибся. Грузовик встал именно на него. Водитель с шумом закрыл дверцу, плюнул на газон, помочился и пошёл в гостиницу... Газон поморщился. И – терпел: он был русским газоном. А у русских терпение в крови.

Утром же грузовик так разворотил газон, что ни о каком восстановлении в этом году речи уже идти не могло... «За что? – газон рыдал. – Почему люди не понимают мою красоту? Почему хотят, чтобы всё вокруг было безобразно?...» – Газон никак не мог понять глубокую терпимость людей к нечистоте. И он подумал даже, что они стремятся к ней. «А если мерзость так вот сразу не обретается, то люди создают её», – решил газон. И... отчаянная мысль наполнила его сознание: *«Люди получают удовольствие от безобразия!»*...

Газону стало очень гадко на душе. Он рыдал и ненавидел людей. С тем и глубоко уснул. Потому что пал и установился снег.

А весной, едва газон потянулся молоденькой травкой к солнцу в надежде закрыть ей свои телесные раны, пришли рабочие. Они засыпали его щебнем. Потом... Газон почувствовал, что его заставляли пить нечто ядовитое. – Это была битумная мастика. «Как же всё-таки жестоки люди», – сто-

нал газон и... – терпел!.. Ему было уже всё равно, когда его засыпали асфальтовой крошкой. И когда газон был почти в бессознательном состоянии его избили виброплитой...

Однако через время газон пришёл в себя и обнаружил, что на нём устроили автостоянку. «Ну что ж, – подумал газон, – значит, придётся жить, как есть. Судьба, видать, такая». И он боролся за жизнь. И даже не ругался, как душившие его рабочие. Слишком уж серьёзное было у него положение.

И – газон пошёл зеленеть вокруг стоянки!.. Водители уже не плевали в него, только бросали бутылки. Иногда мочились. А плевали теперь на покрытие. Асфальтовая крошка не переживала из-за таких пустяков. Она быстро укаталась, стала толстокожей и презирала корчившийся под ней газон за чувствительность.

А на газон попали споры шампиньонов. Газон любовался своими грибами – их никто не трогал. И примирился со своей новой жизнью... В самом деле, зелёная кайма с трёх сторон автостоянки была очень красивой. И газону было безразлично, что люди не понимают этого. «Они же не могут чувствовать», – жалел людей газон.

Часть Первая

Любовь к жизни

Тиликва (памяти подруги)

Однажды во сне я купил дом в Австралии... Это был непонятный шаг, потому что в доме я не нуждался, тем более так далеко... Почему купил?.. В нашей бразильской квартире на карнизе в одном месте отошла краска. И обнажившийся кусочек стены явно напоминал контуры Австралии. Взглядывая в окно, я невольно всё время вижу его. Может быть, поэтому...

Время от времени сны возвращали меня в Австралию. Однако от ненужного приобретения я не избавлялся. Смирился. И даже стал ожидать очередного посещения зелёного континента. По здоровью мне тяжело летать. Поэтому путешествовал я морем...

Грустно, что теперь на дальние расстояния только летают. Да, это дешевле и быстрее. Но на склоне лет на всё начинаешь смотреть иначе. И хочется, чтобы некоторые вещи

продолжались наоборот дольше и стоили дороже. Но думать о стариках – оно обременительно и скучно, я понимаю, тем более для людей бизнеса.

Корабли как транспорт существовать перестали. Поэтому я подсаживался на проходящий мимо нас туристский корабль в Рио-де-Жанейро. Он из Буэнос-Айреса приходит. И доплывал на нём до Сиднея... Пятьдесят четыре дня? – Ну и что... Эти большие корабли, как гостиницы. Кáчки нет, шведский стол, и на удивление тихо. Наверное, потому что большинство пассажиров – пенсионеры...

Почему я купил дом именно в Литгоу (Lithgow)? – Это объяснению не поддаётся вовсе. Но покупка оказалась не лишённой смысла.

От Сиднея – около ста километров в глубь континента. Прямо в порту я брал такси, это не дорого. А так транспорт там в основном до Катумбы (Katoomba). Катумба – туристское место, столпотворение, непереносимое для стремящегося к уединению. Это про меня: я не переносу.

Голубые горы. Скалы Три сестры

Дорога живописная. Приходилось пересекать Голубые горы (Blue Mountains). Они начинаются прямо от границы Сиднея... Красивое название, правда?.. Но там голубые не скалы, а лёгкая дымка, вызванная испарениями эвкалиптов, которая возникает довольно часто и держится долго. Если вам показано дышать взвесьями эвкалиптового эфирного масла – это место для вас. Если вы мне приснитесь, уверен, мы сговоримся о цене дома... Продам...

Эвкалиптов действительно много. И – крупные древовидные папоротники... У некоторых в самом деле ствол, и такие похожи на пальмы. Ну и мощный подлесок, особо не погуляешь...

Высотный перепад между уровнем долины и перевалом совсем небольшой. Поэтому Голубые горы они не столько

горы, сколько сопки наподобие тех, что в бразильском штате Минас-Жерайс (Minas Gerais), где я живу во время бодрствования. Но, в отличие от нашей «серха» (serra), Голубые горы прорезаются глубокими каньонами. Некоторые по глубине чуть ли не соперничают с высотой самих гор...

Скалы отвесные, это красиво... Горы же разделяются вдоль рекой Кокс, замутнённой известняком. Название не случайно. Потому что близ Литгоу каменноугольные шахты... Кстати, «Минас-Жерайс» с португальского переводится, как «главная шахта»... Ну вот, я и понял, почему купил дом именно в этом месте: шахты – моя судьба. И дедушка был заслуженным шахтёром...

Вид на окраину Литгоу со стен Хассанс (Hassans Wals).

Там как раз я дом и купил.

В моё отсутствие за домом присматривала полинезийка Шейла, в смысле она жила в нём и поддерживала дом в жилом состоянии. Шейле где-то лет 25. Она работала на швейной фабрике. В Шейле интересно то, что мы с ней не просто обходились без слов, а общались духом. Я вам скажу, что это лучший вид общения... Когда-нибудь люди откажутся от словесных языков, я верю, если не убьют сами себя раньше, конечно.

...Моим соседом в Литгоу оказался тоже пенсионер, бывший шахтёр – Томас. После смерти жены он потерял интерес к разговорам. Поэтому товарищи и соседи чурались его. И Томас искренне радовался мне, потому что я, с одной стороны, тоже не любил общаться словами, а с другой – мне доставляло удовольствие его молчаливое общество. Когда человек неприятный, разговоры составляют суть общения, особенно, если он раздражает... Странно, да?.. А когда приятный человек – разговоры только мешают наслаждаться общением духом.

Мы сидели на террасе дома Томаса в кресла. Томас курил. А я смотрел на Стены Хассанс. Птицы иногда пронзительно вскрикивали, иногда красиво пели... На душу ложилось и то, и другое, потому что сидение с Томасом ласкало душу: было как-то по-особенному покойно, счастливо... Иногда я поворачивал голову и смотрел на Томаса. Он ни-

когда не отвечал... Зачем отвечать, когда всё и так ясно? – Это суетно.

Томас любил смотреть вдаль. У него были серые глаза, которые, казалось, ничего не выражали. Наверное, именно поэтому их хотелось бесконечно разглядывать и не отрываться. Я угадывал в этих глазах бездну... – в хорошем смысле; подходил к её краю, бросался вниз и тонул. А потом вдруг таинственным образом снова оказывался в кресле и видел Стены

Хассанс. Это было захватывающе... Когда Томасу надоело сидеть и курить, он вставал и говорил одно слово:

– Поехали? —

И это всегда означало одно: мы едем в Уоллэми (Wollemi).

Уоллеми

Уоллеми – второй по размеру национальный парк Южно-го Уэльса. Он почти весь состоит из эвкалиптовых лесов. Никогда бы не подумал, но здешние эвкалипты имеют аж семьдесят разновидностей.

У Томаса был старенький трёхколёсный Харлей-Дэвидсон, с войны ещё. Раньше он на нём возил жену, которая на обычном мотоцикле ездить не могла... Она умерла. Теперь я...

Добраться до Уоллеми занимает где-то полчаса – и всё:

лес, горы... Около одной из скал мы всегда едим. Тормозок собирала заботливая Шейла...

И вот здесь я и встретил её...

Прошу прощения, в те отдалённые времена я ещё не понимал язык пресмыкающихся, поэтому об имени не спросил. И назвал мою подругу сам для себя попросту – Ящерица...

Теперь о ней.

Итак, жила-была Ящерица. Она меня поразила прежде всего размерами – не меньше полуметра. У нас в штате таких точно нет... А считал я Ящерицу своей подругой потому, что встречал в каждый приезд и всякий раз вступал в духовное общение, если Томас по нечаянности не мешал..

Ящерица жила в трещине скалы. А днём сидела на её выступе. Он хорошо освещался и прогревался, становясь горячим, как песок на пляже. Ящерице это явно нравилось, и она то ли просто наслаждалась, то ли загорала на этом выступе. Но не так, как люди, а только на животе, чуть приподнявшись на передних лапах. Лицо её было повёрнуто в сторону солнца, но, по-моему, именно на него она не смотрела, а глядела куда-то ниже и в одну точку. Не знаю, то ли молилась, то ли стихи сочиняла... И в этом напоминала мне Томаса... Я смотрел на неё и улыбался...

Забудьте слова, отдайтесь Небу – и вы станете святым или духовным поэтом. И вас проклянут... Родственники – совершенно точно...

Когда я приходил, Ящерица поворачивалась и разглядывала меня с явным интересом, глядя, тоже не отрываясь. Язык ящериц человеческим ухом, как я потом узнал, не считывается. Тут особое умение нужно, какого у меня тогда не было. Поэтому не могу сказать наверное, но предполагаю, что она спрашивала меня о причине посещения. Я тоже смотрел на Ящерицу. Так что мы обменивались только долгими доброжелательными и изучающими взглядами... Можно сказать, что она не боялась меня, хотя, конечно, в руки бы не далась. А я и не пытался. *Всё, что нравится, брать в руки не нужно...*

Я старался оберегать покой Ящерицы. Поэтому приближался очень тихо и близко не подходил. Вскоре подтягивал-

ся и Томас, сядилса на камень, и мы молчали все трое. Полагаю, Томасу доставляло удовольствие молчаливое общение с родственной душой – с Ящерицей, в смысле.

Спустя время кое-как я научился бессловно объясняться с ящерицами по-ящерицки. И от уже состарившейся дочери моей Ящерицы узнал вот что... А дочь длила свои дни в той же трещине и на том же выступе...

Ящерицу-маму оказывается звали Тиликва (Tiliqua). Она жила беззаботно, счастливо и радовалась солнцу, молодости, лёгкости движений и видела всё в оранжевом свете... Это примерно то же, что у людей, видящих окружающее в розовом.

В урочную пору повстречался ей привлекательный ящер. Она не стала отказываться от встреч. Потому что, увидев её, ящер приоткрыл рот и...

То, что увидела Тиликва, поразило её в самое сердце: огромный язык. Этот язык перевернул всю её жизнь. У Тиликвы закружилась голова. И она поняла: это – любовь... – Она, как и люди, любовью называла половое влечение.

Что было бы с ней, если бы она могла различать цвета и увидела, что язык возлюбленного – синий!.. Представляю, я встретил бы прекрасную женщину и она, кокетничая, показала бы мне кончик синего языка... Я бы сошёл с ума и скорее всего двинулся бы за ней на край света, хотя и едва ли дошёл бы – умер бы по дороге от страсти...

Ночи не проходило, чтобы Ящерица не видела во сне

медленно моргающие глаза своего возлюбленного, глядящие на неё в упор, и округлое окончание его языка с ристой... Как же Тиликве хотелось, чтобы этот язык, эта риста коснулись её лица и ласкали бы его! Как желалось коснуться щекой его мужественной жёсткой щеки и целовать её... Тиликва видела это наяву и тихо стонала...

А в одну из ночей, когда луна только задумывала народиться, ящер бессовестно заполз в скальную трещину, в которой жила Тиликва, и властно обнял её... Как честная девушка Тиликва встрепенулась, надавала возлюбленному пощёчин и гневно показала пальцем на выход: «Вон!»

А ящер... То ли он размяк от пощёчин, то ли у него был вообще такой характер, а только он сидел и неподвижно и, как казалось Тиликве, умильно смотрел ей прямо в глаза. В них было столько страсти, что её не могла затемнить никакая ночь...

Тиликва начала в возбуждении ползать по своей норе взад-вперёд. В конце концов успокоилась. Села подле ящера и они долго разговаривали о ничего не значащих вещах. Потому что дело было не в предметах общения, а в том, чтобы между бессмысленным содержанием разговоров, под видом речей невысказанно сообщить друг другу о своих чувствах...

Так они и объяснились. Ящер прикоснулся губами к губам Тиликвы. Она не стала отворачиваться. Их языки начали любовное общение. Затем ящер обнял и облизал Тиликву. Она легко ответила на объятие. А потом они, почувство-

вав тела друг друга и, возбуждвшись, – возлегли.

Тиликва знала, что этого делать нельзя, потому что потом она может понести, и её вольной жизни придёт конец. Но обниматься оказалось настолько сладко, что она поняла: *разумом жить глупо*. Это для учёных.

Ящер прижал её своими шпорами на лапах к каменному полу – и она отдалась... Чему? Ящеру ли, движению сердца? Подчинилась ли голосу природы, этому зову вечно продолжающейся Жизни? – она не знала, но отдалась и подчинилась.

На следующую ночь ящер пришёл снова. Он лизал Тиликву и любил... А кода они устали, Тиликва вдруг засмеялась. Ящер удивился.

– Я же не знаю даже, как тебя зовут, – сказала Тиликва.

– Синезыкий, – ответил ящер. – А какое это вообще имеет значение? —

В самом деле, какое? Не все ли души одинаковы?.. Да, привлекает как будто тело, какой-нибудь синий язык. Но это не любовь, а влечение к синему языку. Синий язык вполне может почернеть и отвалиться. А влечение может перейти в любовь, но часто ли такое случается? Не чаще ли оно переходит во влечение к кому-то другому?..

Влечение Синезыкого, как и у людей, быстро закончилось. А Тиликва поняла, что она полюбила вовсе не язык, а бессмертную душу Синезыкого. После того, как тот не пришёл на седьмую ночь, Тиликва пришла в отчаяние. Потому что было ясно: это – конец. Затем её предположение подтвердили и подруги: «Твой теперь встречается с Борода-тою Агамой».

Бородатая Агама (Bearded agama)

Унижение изъяснению не поддавалось: «Она же уродина! Как меня, такую неповторимую, можно было променять на гадкую тётку?» Это было выше понимания Тиликвы. «Она же вся в колючих шипах... Как же он её целует?.. Или ласки ему не важны?.. А лапы, лапы-то какие у неё?! – Тьфу!»

Тиликва чуть было не прокляла весь род мужской. Но остановилась и поняла, что это её судьба, и *нет ничего страшнее в жизни для ящерицы, чем проклясть свою судьбу*. Потому что проклятие, оно конечно, приятно, но имеет обыкновение возвращаться.

Тиликва выходила теперь из своей трещины только для

того, чтобы наловить насекомых. А загорать больше не загорала – подруг стыдилась, потому что понесла. Это было всё более заметно...

Через четыре месяца Тиликва выродила пятнадцать сыновей и дочерей. Она не смогла их полюбить, потому что дети напоминали ей коварного изменщика Синезыкого. Они тоже не любили мать. Может быть, потому что не нуждались в опеке. Будто кто во утробе научил их всему, что должна знать и уметь ящерица. Казалось, они даже не замечали мать... А впрочем, сейчас мораль так изменилась, что, кажется, состоит в отсутствии морали, особенно у молодых. Но это только кажется. Просто мораль настолько другая, что, думается, её нет вовсе.

Через восемь месяцев дети стали такого же размера, как и она сама. В расселине вдруг оказалось очень тесно. Перво-наперво мальчики вытолкали девочек. Хотели избавиться и от матери, но Тиликва показала им зубы. Тогда ей сказали:

– Да подавись ты своей трещиной, биологическая мать. Мы не предполагаем иметь такого злобного члена семьи, как ты. —

И – ушли. Тиликва осталась одна. «В чём я была неправа? – думала она. – Надо было уйти, чтобы эти здоровяки развлекались в моём жилище?.. Может, быть, может быть... Видать, время такое настало... Почему дети бывают такими жестокими и душевно тупыми?.. В кого они, в отца?..»

Тиликва часто плакала. Плач не помогал, наоборот, ещё

хуже на душе становилось. А от горя как-то нужно было отделяться, иначе жить как?.. И Тиликва отдалась молитвам.

У ящериц, как и у прочих живых существ, есть свой бог. Ящеречный бог душевную боль Тиликвы то ли отказался утишать, то ли просто не мог. И по наитию Тиликва обратилась тогда к великому Непостижимому... Что такое? – Да Его все знают, кроме людей. Потому что *для познания Всевышнего люди слишком умны*. И воображение у них богатое...

Все два года между рождением детей и второй беременностью Тиликва упорно молилась. Стыд перед подругами отпустил её. И Тиликва теперь по-прежнему грелась на своём выступе. И, как и раньше, я и Томас духовно общались с ней... Чувствуя величие внутреннего молитвенного покоя Тиликвы, Томас робко и счастливо улыбался ей. Если бы ящерицы могли улыбаться, то Тиликва, конечно же, отвечала бы улыбкой Томасу...

Однако благодати продлиться долго было не суждено, как и всему на Земле. Жизнь есть жизнь. Мы не знаем, что не так, где мы оступились и оступились ли вообще. А только по воле Предвечного всё вдруг меняется до неузнаваемости, даже, может быть, разом. И никакая тут молитвенность не спасает.

...Вдруг нова объявился Синезыкий. Нутром ли чувствовал, что Тиликве пора настала беременеть, или как? – Кто знает, а только явился он в один прекрасный вечер, вы-

сунул язык свой завлекательный и стал прощения нудить.

Тиликва плакала. *Она действительно любила этого подонка, в смысле его бессмертную душу*. И молчала. Потому что объяснить мерзавцу, что он дерьмо, невозможно. *Подонки в собственных глазах всегда хороший и правильный*, бывает, даже поучатель человечества...

Да, это было любимое существо, но оно пришло из какого-то параллельного мира. И обладало неведомой ей моралью...

Пока гад пресмыкался перед ней, Тиликва не столько слушала, сколько пыталась понять его как ящера, в смысле, как мужчину. И вдруг подобно зарнице блеснула догадка: мораль Синеязыкого состояла в отсутствии морали. «Он же чувственно туп. Это не ящер, это жестокий безумец, а потому и дети его – выродки».

Тиликва почувствовала, что она потеряла не только духовную опору, не только веру в жизнь, но и что само основание её трещины будто покачнулось... Она потеряла сознание...

Когда среди ночи Тиликва пришла в себя, поняла, что изнасилована. Но её это не огорчило. Потому что *хуже духовного изнасилования*, которое она пережила с Синеязыким, *уже ничего быть не могло*. Её мир был разрушен, как она чувствовала, окончательно.

Тиликва вновь зачала. В молитвах она просила великое Непостижимое о благодати любви к нечистоте, которую те-

перь несла в себе. На это ушло всё время беременности.

Над моей ящерицей смеялись подруги... *Кто больше по-друг высмеет горе, особо ежели за глаза?..* Приходила мерзкая Бородатая тётка и тоже хохотала в лицо Тиликве:

– Идиотка. Мой он. На что рассчитывала, когда задницу-то подставляла, а? Удержать думала? – Ха!.. Святая наивность... Мой, поняла? И навсегда... Утрись!..

Тиликва недоумевала: «Как же так, у меня такая чистая душа, а Синеязыкий выбрал столь грязную спутницу жизни... И почему только мужиков так тянет на куски женского дерьма?..» – Тиликва не находила ответ на собственный вопрос и грустила.

Не зная всего этого, мы с Томасом, конечно, не понимали, чем был вызван скорбный вид Тиликвы. И даже радовались появлению многочисленного потомства: на этот раз она выродила девять мальчиков и девять девочек. Те явно любили мать: они льнули к ней, карабкались к маме на шею, на спину и весело на нас посматривали... «Эти в меня пошли», – думала Тиликва.

Мы с Томасом улыбались до ушей. И если не смеялись, то только потому, что боялись испугнуть семейство, казавшееся если не святым, то счастливым – почти точно. Почти – если бы не глаза Тиликвы...

Да, радость материнства это одно. Но *бывают в жизни такие душевные раны, уврачевать которые не властно и само время. Они – наказание свыше, искупление наше. И раны*

*эти благо переживать с благодарностью к непостижимо-
му Небу, с любовью к Нему и великому Закону Воздаяния ...*
Тиликва поступала именно так. Длительные молитвы давали
себя знать...

Через восемь месяцев дети выросли. От невозможной тес-
ноты в доме пошли обиды, недовольства, распри и, нако-
нец, драки. Драки становились кровавыми. Тиликва стара-
лась разнимать детей. Но однажды при этом набросились
и на неё самой...

Страсти не имеют границ и укорота на Земле. А отказаться
от страстей ящерицы не могли. Это доступно только чело-
веку, полностью погружённому в молитву, и то не всякому.

Тиликва была серьёзно ранена. И опомнившиеся дети
тщетно пытались просить у неё прощения.

Ночью, когда все уснули, Тиликва оставила родимый дом
и поползла куда глаза глядят, оставляя кровавые следы.

В очередное посещение скалы Тиликвы мы с Томасом
сколь не ждали её появления, а не дождались. Одна ящерица
загорала на месте Тиликвы, но это была не она. Другие бой-
ко то вбегали, то выбегали. И их было всего три. Мы почув-
ствовали недоброе, но не придали этому значения.

– Ладно, поехали, с досадой сказал Томас, – которому на-
дело ждать, – воллемию (Wollémia) покажу.

– Что-что?

– Увидишь, – бросил в полуобороте Томас.

Я имел все основания ему доверять, и мы двинулись.

Ехали довольно долго, попали в каньон. И там нам дорогу преградило исполинское дерево, лежащее на земле.

– Смотри, вот она, воллемия, – сказал с гордостью Томас. – Это самое древнее растение на планете. Ему тысячу лет.

– Подожди-ка, – не поверил я, – но, думаю, есть и постарше, Мамврийский дуб, например...

– Ты не понял, – перебил меня Томас. – Не самое старое, а самое древнее. Оно считалось вымершим миллионы лет назад. Пока один наш парень, Дэвид Нобл (David Noble), его тут не нашёл. —

Я подошёл, прикинул. Порядком выше меня и в длину метров сорок.

– Только это полугнилое?

– Ну не-ет, – воодушевляясь, продолжал Томас. – Тут их около сотни...

Я удивлённо смотрел на него, потому что никогда таким его не видел. Даже представить не мог, что мой друг одержим страстью родинолюбия. А страсть развязывает язык...

– Таких деревьев нет больше нигде в мире. И они будут жить, потому что размножаются от корневой поросли друг друга. —

И Томас так посмотрел на меня, что я несколько не сомневался в его с воллемией полного превосходства надо мной.

Wollemia nobilis

Я подошёл к молоденькому деревцу и увидел, что оно взято под наблюдение заботливыми биологами, может быть, тем самым Дэвидом Ноблом. И прочёл на табличке, воткнутой

в земле рядом с деревцем, что оно было хвойное и вечнозелёное... По-моему, нечто среднее между сосной и мимозой. Я повернулся к Томасу, чтобы высказать ему эти мои соображения – и замер с открытым ртом: я увидел Тиликву.

Наша подруга сидела на стволе лежащей воллемии и грустно смотрела на нас. Томас тоже обернулся...

Мы всё поняли, и как могли, передали своими глазами и сердцами глубокое участие и сострадание Тиликве...

«Дети, почему вы бываете, пусть невольно, палачами родителей?» – подумал я... Впрочем, что значит, почему? Жестокий посторонний человек с презрением быстро ответит: «Какими детей воспитали, такими они и получились, сами виноваты»... Только кто же заведомо хочет дитю своему, кровиночке родной зла?.. Не-ет, не так всё просто, а Закон Воздаяния воистину непознаваем... Дети, не торопитесь расстреливать родителей. Погодите, поглядите, кого сами-то выродите, может, почище себя ещё уродов... Поймёте тогда кое-что...

Мы с Томасом стояли и молча тихо плакали. Тиликва, казалось, тоже хорошо понимала и благодарила нас.

– Всё! – сказал Томас и пошёл к мотоциклу.

Он включил двигатель. Тиликва не испугалась. Её голова была повернута к нам. Я сказал ей духом «прощай!», обхватил руками Томаса и зарыдал ему в спину.

– Брось, – ответил он, – судьба такая.

Потом мы ещё один раз приезжали к стволу воллемии

в каньон, но Тиликвы уж не видели. А скалу её навещали часто. Из детей Тиликвы от вторых родов в трещине осталась только одна дочь её. К тому времени я уже неплохо понимал язык ящериц. Много из того, что я вам тут понарасказывал, я узнал как раз от этой дочери. А ещё она сказала вот что:

– Тиликва повторила судьбу матери. Она с братьями и сёстрами выгнала бабушку мою на улицу... Не знаю, чем-то уж бабка им не угодила.

– А что, мать может не угодить? – не поверил я.

– Ещё как, не сомневайся, – уверила меня тиликвина дочь, – хуже врага может показаться. И думала Тиликва, что поступила с матерью по справедливости...

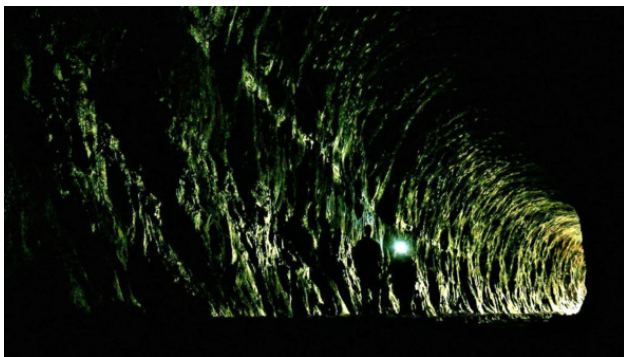
Эх, представления наши о добре и зле, о справедливости и несправедливости... Стóбите ли вы больше выеденного яйца? Есть ли они вообще, эти добро и зло? Не много ли берём мы на себя, судя ближних? Да не просто своим умом осуждая их, а подчас и боженьку в палачи привлекая, высказывания Иисусовы в сердца ближних втыкая, как шила, как жала ядовитые...

Нет, *прошло время обличающего слова, потому как теперь слово исключительно лукаво. И настало время молчаливой бесстрастной любви...* А Закон Воздаяния?.. Да не тшитесь вы его распознать, успокойтесь: пустое это. Любите только...

– А ты-то что ж? – спросил я дочь тиликвину.

– А на мне, видать, искупление исчерпалось, – сказала она. – Мои дети сами ушли, с миром. У каждого своя жизнь. Иногда приползают справиться, жива ли мамка-то, – закончила дочь тиликвина и сжала челюсти. Заплакать может боялась, не знаю...

Томас вскоре после того умер. В последние месяцы он любил ездить к заброшенной шахте (Glow Worm Tunnel). Там туннель искривлён так сильно, что не видно ни зги. И полно светящихся червей на стенах. Как светлячки, только большие, и не жучки. Я один раз поехал с Томасом. Но как увидел вход – ну прямо, как в могилу. И некоторые люди, войдя туда, огня не зажигают, чтобы на червей любоваться...

Тоннель пылающих червей

Чем это привлекало Томаса? То ли к грядущей смерти привыкал? То ли, как Орфей, жену свою незабвенную пы-

тался обрести в том как бы загробном царстве?.. Кто знает?.. А только в последний мой духовный прилёт в Литгоу Томаса на месте уже не было, и лишь сосед могилку его показал.

В доме помимо Шейлы оказался какой-то угрюмый белый мужик.

– Кто такой?

– А это жених мой, Бобби, инженер с текстильной фабрики... Мы бы дом-то купили, – помявшись добавила Шейла.

Я подумал немного и сказал:

– Да живите, и так, гляжу, живёте. А деньги оно суета. Какая суета в мои-то годы? – Смех один. —

Те, конечно, стали меня благодарить. А я больше снов про Австралию я не видал. Тиликва умерла, Томас умер... Не хочу... Да вот и Шейла мужика нашла... Что ж, дело житейское. Но мне жалко. Такая обходительная, улыбчивая была, душевная. Милое дело поглядеть... Ладно, на латинос и негритянок буду смотреть по месту жительства. Они мне тоже улыбаются.

Мать комариная

Есть огромная страна – Комаровия. Там живут комары. Страна заселена густо до того, что когда комары водят хоро- воды, они заслоняют свет, как туча. А водят хороводы ко- мары потому, что любят и умеют радоваться. А оттого, что ра- дуются, комары постоянно поют песни. Когда люди разучи-

лись радоваться, они и песни перестали петь. Это я в течение своей жизни наблюдал.

За руки в хороводе комары не берутся. Комары собираются в большие клубки, похожие на огромные куриные яйца. И внутри каждого яйца, веселясь, двигаются, как хотят. Правило в хороводе одно: летай, как хочешь, только не вырывайся из клубка. Кто же случайно покинул хоровод, тот сразу понимает, как грустно летать одному без товарищей, и возвращается в свой клубок. А клубок – это большая и дружная семья.

Семья самодостаточна. В ней есть, например, школы, свои мыслители, учёные, политики, военные, судьи, полицейские... Только вот все питаются врозь: летят к цветам и пьют нектар. Ну, а уж если какое животное окажется рядом с клубком... Лучше бы оно этого не делало... Впрочем, кусаются только женщины, вы понимаете. У мужчин таких острых зубов нет. Мужчины по природе спокойнее, рассудительнее и доброжелательнее относятся к миру.

Комары благочестивы. Но свои религиозные чувства выражают иначе, чем люди. Они не ходят в молельный дом и не замирают там, слушая писк священнодействующего комара и зудение певчих. *Молитва для всех естественное состояние.*

Комариный писк, вы думали, что это такое?.. Вот ноет комар у вас под ухом, что он делает?.. Конечно, он говорит: «Какой вкусный человек попался! Какая у него розовая

и тонкая кожа! Какие удобные поры!»... Но это только малая часть его разговора... Да, пища и зудя, комары обмениваются между собой сведениями, выясняют отношения. Но, поверьте мне, уж я-то познал комаров, они не делают этого непрерывно, как мы с вами. А в основном общаются со Всевышним...

Мы, если и помолимся, то где-то с полчаса в день в лучшем случае. А в остальное время говорим и слушаем непотребное. Комары же поют не абы что: прославляют своего бога Йуууя и чтут прародителей Ммммлл и Ииии...

Вам, конечно, комариные имена кажутся странными. Но, поверьте, людские имена комарам представляются столь же нелепыми.

Пожив с комарами в комарином облики я во многом усвоил их язык. Но вот передать людям мои знания оказалось совершенно невозможным. Хотя я, конечно, мечтал поначалу составить, к примеру, комаро-английский или русско-комариный словарь... Да его б расхватывали, как горячие пирожки у метро. Ибо кому комары-то не досаждают? А тут появилась бы возможность и выяснить их намерения, а женщинам комариным предложить какой-то заменитель вашей крови... Такой словарь можно было бы выпустить тиражом, эдак в миллиард... Недорого, долларов по пять за книжку... Это что ж получается-то, а?.. Уййй!..

Однако моим мечтам осуществиться было не суждено. Потому что комариные «слова» не поддаются выражению

с помощью букв, разве что иероглифами можно было бы попробовать их изложить. Только я в них не силён... У комаров, к примеру, нет глухих согласных. А и гласные, и звонкие согласные незаметно переливаются друг в друга. Интонации же то поднимаются, то опускаются. Это несколько напоминает работу звуковой сирены... И ото всех этих тонкостей зависит смысл речи, в смысле писка, нытья или зудения...

Очень-очень жаль, что я не могу донести до вас всю прелесть комариной речи. Но поверьте мне, она весьма разнообразна, в ней есть и проза, и стихи, и, конечно же, свои шекспировы и байроны...

Комаровия отличается от других стран тем, что комары там любят жить большими семьями, только что спят по отдельности или, конечно, парами... Люди же жить большими семьями уже не хотят давно. А всё почему? Потому что в страстях пребывают, да старших не слушают. Думают, старшие дураки или самодуры... Ан нет, старики о семье думают, в корень смотрят. А молодым что корень? Им лишь бы ягодку надкусить, выплюнуть да на новую нацелиться... Какая уж тут большая, дружная да любящая семья? Какое может быть счастье?!..

Знал я одного руководителя большой страны, который обещал каждому жителю по отдельной квартире, да ещё бесплатно. Народ возмутился и сверг супостата. Но сверг не оттого, что хотели жить большими семьями, а потому что бес-

платно. Бесплатно – оно не интересно... Давайте, я предложу вам мою книжку бесплатно – вы и глядеть на неё не станете... Не-ет, я не жадный. Мне вообще ничего не нужно. Просто это *вы* так устроены. А народ надо, если уж не любить, то уважа-ать как следует, вас, например, дорогой читатель... Приятно, да?.. Правильно. Счита-аться с ним, с народом-то. Ведь что мы есть по отдельности, без народа-то? – Дерьмо собачье, вот что...

Ну так вот, в большой комариной семье много маленьких семей. И в каждой семье много ребятишек: комариных мальчиков и девочек. Они никогда не ссорятся и не возражают родителям. А родители не ссорятся с бабушками и дедушками... Мне это очень нравится. И если непостижимое Небо ещё раз пошлёт меня на Землю, мне хотелось бы воплотиться комаром в Комаровии, а не каким-нибудь принцем или наследником многомиллиардного состояния, курам на смех, на что оно... *Семья, любящая семья, вот наиважнейшее, что в жизни есть*, кто бы это ещё понимал, да превращал в жизнь... Болтать-то все горазды.

А самые главные в большой и дружной комариной семье – прадедушка и прабабушка. Они очень старые, поэтому медленно летают в самом низу клубка и тихо радуются весёлой жизни и счастьем тех, что сверху. Правда, прадедушка и прабабушка от старости часто смотрят вниз. Потому что, чувствуют, их пора летать и радоваться подходит к концу. Так уж им заповедал комариный бог Йуууй. А когда прадедуш-

ка и прабабушка однажды уже не могут взлететь, они сидят на земле и только слабо шевелят крылышками, а вокруг них собираются дедушки и бабушки. Прабабушка и прадедушка выбирают из них других старых и мудрых комаров на своё место. А сами находят в земле щель и уходят в подземную страну. Там живут прадедушки и прабабушки всей Комаровии. Щели эти заветные.

Однажды во сне я полетел в Комаровию, там уменьшился до размера комара и отыскал заветную щель. Я согнул лапки и заглянул туда. В щели было темно. Я просунул вовнутрь головку с усиками. И тут мне кто-то больно ударил по усикам и строго пропищал:

– Стой, куда идёшь?

Мои глаза начали привыкать к полумраку. И тогда я увидел очертания комара. Так ли это было на самом деле или нет, но он показался мне чёрным, а в руках держал палочку.

Я был очень вежливым комаром. Так меня научила жизнь в образе человека. Люди меня били недуховными и духовными палочками весьма болезненно. Мне было неприятно и обидно. Не желая повторения того же в Комаровии, я покачал головкой, пошевелил усиками в знак почтения и ответил:

– Прошу прощения, но мне очень хотелось бы узнать, куда уходят прадедушки и прабабушки и посмотреть, как они живут.

Чёрный комар засмеялся и от этого подобрел.

– Кого ты хочешь провести, – пропищал он через смех. – Я караулю здесь уже второй год, проверяю удостоверения личности прабабушек и прадедушек. Но никогда ещё никто ко мне не обращался с такими просьбами... Ты – не настоящий комар! – вдруг сделал Чёрный комар неожиданный для меня вывод.

...Вы знаете, жизнь в облики человека привела меня к потребности сердечно любить непостижимое Небо и трепетно благоговеть перед Ним. Преображение в комара не вывело меня из сего благодатного состояния. А нахождение в нём связано с совершенной правдивостью, потому что это способствует чистой совести. А чистая совесть так приятна... Ну, это вы и сами без меня знаете. Поэтому я виновато склонил головку долу, так, что усики коснулись земли, и сознался:

– Да, я преображённый человек.

– Так ты – челове-ек! – обрадовался Чёрный комар, набросился на меня и вонзил жало в мой животик.

Я потерял сознание.

...Когда очнулся, я обнаружил себя в полумраке на земле. Рядом сидел Чёрный комар и участливо смотрел на меня. Увидев, что я очнулся, он замахал крыльями и возгласил:

– Маленький человек очухался!

Я приподнялся на одной лапке.

Комары хорошо видят в темноте. И вот, что увидел я.

Я находился в просторной пещере. Вокруг меня на неко-

тором расстоянии плотным кругом стояли красивые комары с чёрными брюшками и недобро шурились. Их тело было, в отличие от моего, покрыто красивыми белыми пятнышками, передние ноги казались длиннее моих, а задние и вовсе превосходили в пару раз... Сравнив этих комаров с собой, я понял, что проиграю схватку даже с одним из них. А потому счёл за благо покориться судьбе.

– Так чего же тебе надобно-то здесь? – спросил из глубины пещеры неприятный гнусавый и скрипучий голос.

Тут чёрные стражники разомкнули свой ряд, выстроились двумя шеренгами и подняли задки кверху, а я встал на ножки.

– Задницу, задницу кверху задери, невежа! – запищал Чёрный комар.

Я на всякий случай выполнил его указание.

– Та-ак, – сказал тот же неприятный голос, – гордыни в тебе меньше, чем у других представителей твоего *племени вырожденцев*. Значит, общение возможно.

– Кто ты, – стараясь быть предельно уважительным, спросил я.

– Мать твоя комариная, вот кто я.

Приподняв головку, я увидел очень большую комариху, раза в четыре больше меня. Она лежала на незамысловатой большой кровати на боку, подперев голову лапкой и с большим сожалением меня рассматривала.

– Прошу прощения, – озадачился я, – как же Вы, мно-

гоуважаемая, можете быть моей матерью, если меня родила мать человеческая?

– Хе-хе-хе-хе, – надсадно, хрипло засмеялась Мать комариная. – Ты, как и твои соплеменники, глуп, я погляжу. – В молодые времена свои я б такого, как ты, до смерти закусала и не пожалела бы... Да-а, много кровушки человеческой я попила за жизнь свою, мно-ого, хе-хе-хе-е-е... —

Мать комариная задумалась, вспоминая своё кусачее прошлое. —

А нынче, чую, смерть приближается, – продолжила она. – И потому охота мне с человеком побеседовать.

– Говори, матушка, – тихо молвил я, – коль смогу – утешу.
– Задницу-то можешь опустить, – подобрев, сказала комариха. – Садись и слушай. —

Я сел, охрана пала на колени, и Мать комариная наша начала свой рассказ о бытии.

– На второй день после того, как господь бог наш Йуууй сотворил Землю... —

Я решил не перебивать Мать комариную, чтоб чего не вышло. —

А Земля же в те времена была невидима, неустроена и тьма наверху бездны. И носился над Землёю великий дух комариный как предтеча всего грядущего. И пропищал тогда Йуууй:

– Да будет твердь посреди воды. И было так. И собралась вода в собрание едино, и явилась суша... Вот тут-то Йуууй

и создал первого комара по образу своему и подобию, и нарёк его Ммммллл. И вошёл в Ммммллла великий дух комариный, и ожил Ммммллл. Ожил, расправил крылышки и, радуясь, закружился над твердью и водами, славя Йуууя.

И увидел Йуууь, что это хорошо. Но захотелось ему отдохнуть от трудов праведных, потому как утомился он от творения. И создал Йуууь перед сном подругу Ммммлллу, назвал её Иииии и прозудел так:

– Раститесь и множитесь, полните Землю, и господствуйте ею. —

На этом замолк и опочил.

Ммммллл и Иииии обрадовались друг другу. Писка Йуууя не поняли. Но весело летали, резвились и пили нектар цветов, которые любящий отец Йуууь предусмотрительно для них насадил.

Как оно получилось – ни тот, ни другая не знали. А только Иииии понесла. Погоды стояли тёплые. И вскоре отложила она яйца у воды... Дети пошли, внуки... И, наконец, заполнили комары всю Землю, оттого и назвали её Комаровией. Некоторых из комаров господь Йуууь благословил сосать кровь животных. А потому не было в Комаровии живой твари, которая не боялась бы комаров и не признавала бы их господства.

Сколь же счастливо было это время – и рассказать невозможно. Да только счастья вечного не бывает.

И вот, однажды родился комар Ззззззз. У него оказались

искажённые половые наклонности, как он сам о себе зудел – природные, так сказать... Правда, нет ли – не знаю. Если наклонности оказались – значит, так было угодно господу нашему Йууую. И вот Зззиии влюбился не в комаровочку – можешь ли себе представить? – а в цветочную мушку!.. Ну на что ж это похоже... – Мать комариная цокнула, сплюнула и глубоко вздохнула. – Комар и мушка?!..

Цветочная мушка

Ну да, прежняя Мать комариная сказывала, что мушка та была не в пример комаровочкам любвеобильная и красивая. Трудно было устоять перед её чарами. Передние лапки, говорит, у неё были особенные, как пёрышки. Обнимала она ими Зззиии, щекотала. А уж что хоботком вытворяла – об этом просто неприлично рассказывать... Ну кто ж такому

удовольствию не поддастся?.. Иная ж комаровочка и такая расхорошая, и сякая, а вот не может доставить комару желаемого удовольствия... Не может – и всё, какой с неё спрос?.. Всякая комаровочка может дать комару только то, что имеет. Да...

И вот, занялись они, эти двое, половыми отношениями... Дети пошли... И тоже с неблагоприятной наследственностью, понятно: и не комары, и не мушки... Дошло до того, что выродили потомки Зззии комароядное насекомое, вот что. Доигрались со свободой своей, мол, с кем хочу, от того и ребёнка завожу... Завели, язви их...

Половые вольности нарастали, как снежный ком. Живые существа рождались всё больших и больших размеров. Комариные личинки стали в рыб преобразаться, те выпрыгивали из воды и комаров ели. Птицы залетали по небу да тоже норовили предков своих, комаров есть. Глядишь, по земле и орангутанги заковыляли. Потом появились гоминиды, питекантропы, неандертальцы... И вот ты, наконец, приполз сюда, кроманьонец ты наш, так-то и так тебя... —

Мать комариная снова вздохнула. —

А ведь не совокупись в древности тот комар с мушкой цветочною... Жизнь-то была какая нынче распрекрасная, а? – Одни комары на Земле да мушки. Вас бы, людей и на дух не было б, планету вы бы не уничтожали... Был бы Рай, который и заповедовал господь наш Йуууу...

Но ничего, и на вас развитие жизни не остановится, будь

уверен, уж я-то знаю, Мать комариная ваша. Неизвестно, во что ещё вы, люди, выродитесь. Мне рассказывают про ваши совокупления. Тут добра не жди. И я всю жизнь, познав-ши ужас неправильной половой жизни, внушаю молодёжи: «Живите и любите друг друга по завету предков, чистоту рода соблюдайте комариного».

Только кто ж нынче стариков-то слушает? До чего вы все досовокупляетесь? – Представить страшно... А потому не жалко мне Комаровию покидать да в райские пажити господа нашего Йуууя переселяться... —

Тут стал я Мать комариною утешать тем, что ни одна чешуйка с тела комариного не падает без святой воли на то... Ну, про непостижимое Небо я, понятно, не стал ныть... «Без святой воли на то самого Йуууя», – прозудел я. А ещё пропищал, что вне зависимости от происходящего нам благо полниться любовными излияниями, объяснениями в любви ко господу. Тогда житейские невзгоды неизменно станут отступать, а на бытийствующих таким образом низойдёт божественная благодать...

Слушала меня комариная Мать, слушала – и из подслеповатых глаз её закапали слёзы.

– Хотела я перед смертью вкус крови человеческой вспомнить. Да только так ты зудишь сладко, такое утешение дал моей исстрадавшейся по комариному роду душе, что отпускаю тебя с миром. Лети и Расскажи людям о том, что может случиться при совокуплениях не по заветам предков... Мо-

жет и остерегутся и не выродят чудовищ, которые вот-вот придут на смену вам и начнут гоняться за вами и поедать вас, как прежде нас начали птицы клевать... А то ведь придут чудовища-то, а? Приду-у-т, ха-ха-ха-ха-ха... Иди, жирок наращивай, фаст-фуд ешь, хе-хе-хе-хе...

Отпустите его, – сказала Мать комариная страже, отсмеявшись. Голова её упала. И заснула она... Временно или навсегда – того я уже не знаю.

Стража довольно грубо вытолкнула меня из подземной страны. Я прилетел домой, проснулся и принял человеческий облик. Включил компьютер и сразу же записал сию поучительную историю. Иначе люди не узнают о трагедии комариной цивилизации и о надвигающейся катастрофе нашей. Ведь кто язык-то комаров знает кроме меня?

От мрака к свету

В городской канализации жило большое сообщество червячков. Червячковое божество сотворило их вскоре после устройства канализации и заповедало жить в дерьме. Я не могу сказать, почему оно так поступило. Возможно, для выполнения какой-то необходимой работы в невероятно сложно устроенном бытии. А может быть, воплощение червячками в канализации было наказанием во исполнение великого Закона Воздаяния... Многие так называемые разумные двуногие существа думают, что ад это нечто огненное...

Как знать, как знать...

У червячков другое представление о времени, чем у нас с вами. Город, в недрах которого они жили, был построен всего сто с небольшим лет назад. Но им казалось, что они бытийствуют с незапамятных времён. В сообществе червячков были свои мыслелбуждатели, которым не жилось естественно, то есть просто так, как заповедано свыше. И они придумывали разные легенды, идеи и теории. Так, они придумали сказку о первом червячке, родоначальнике всего их сообщества, и жене его. Также они постоянно переосмысливали историю своего бытия в угоду меняющемуся начальству...

О, это была долгая, насыщенная великими событиями история с общественными преобразованиями, борьбой за лучшие места в канализационных трубах и справедливость в пользовании ими. Были свои червячки герои и злодеи. И даже правительство, состоящее из самых лукавых червячков. Оно было тайным. Поэтому обычные червячки, жившие естественно, так те о его существовании и не догадывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.